

Носилов Константин Дмитриевич

На диком Севере

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Дмитриевич Н.**
На диком Севере / Носилов Константин Дмитриевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 115 с.

ISBN 978-5-521-25730-0

Яхурбет; Птичий остров; Дедушка- вогул и его внуки

ISBN 978-5-521-25730-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

совсѣмъ мнѣ изложеть нашъ камешный, изглоданный уже вѣ-
ками берегъ.

Словомъ, была настоящая полярная ночь съ бурями, вѣт-
рами, вихрями, штормами, жалобнымъ, страшнымъ воемъ и
свистомъ вѣтровъ, когда полдень плохо отличался отъ самой
темной полночи, и мы, вмѣсто дня, только порою видѣли сла-
бый разсвѣтъ на минуты. А порою были и такіе дни, что
мы не смѣли носа показывать на улицу, безъ риска быть не-
медленно спесенными страшнымъ порывомъ вѣтра подъ обрывъ
нашего берега, гдѣ шептались сердитыя волны. И само-
ѣды, жившіе отъ насъ всего въ двадцати шагахъ, въ зда-
ніяхъ колопинъ, были ограждены отъ нашего зданія такими
сугробами, которые были, пожалуй, выше дома. И только
порой, когда вдругъ затихали вихри бури, и на горизонтѣ
юга загоралась слабая (точно утренняя) заря, мы осторожно
выходили въ снѣжные, холодныя сѣни, съ трудомъ откапыва-
лись отъ навалившихся за дверью снѣговъ и поднимались,
какъ на брустверъ какой, на снѣжный сугробъ и оглядывали,
что стало послѣ бури.

Въ другой разъ было жутко посмотреть, что случилось съ
нашею бѣдною зимовкою. Зданія занесены, сугробы наравнѣ
съ крышами, стѣны убиты мокрымъ снѣгомъ и забрызганы
обледенѣлыми солеными брызгами; все дерево, углы, кресты
кладбища обледенились. И мы, вылѣзшіе на сугробъ его жи-
тели, казались какими-то привидѣніями въ своихъ мохнатыхъ
бѣлыхъ оленьихъ костюмахъ.

— Живы ли вы?—кричали самоѣды, появляясь изъ своихъ
жилищъ передъ сугробами. Мы отвѣчали: „живы еще“ и
справлялись: не заболѣлъ ли кто страшною цыпгою.

Но и эти свиданія порой были минутами: зареветь снова остановившійся было страшный бурапъ, грянетъ съ близкайшихъ горъ страшный, снѣжный вихрь, и мы пырлемъ съ высокаго сугроба и снова прячемся, чтобы насъ не унесло въ сердитое, ледяное, страшное море.

Вотъ въ такое-то время, когда мы забыли уже о солнышкѣ и даже не мечтали о теплѣ, и появилась на свѣтъ отъ моей собаки маленькая собачка.

Спускаю съ постели разъ утромъ я ноги, разыскиваю въ темнотѣ мягкія оленьи туфельки, надѣваю одну, начинаю надѣвать, было, другую, какъ вдругъ тамъ что-то такое мягкое, теплое и еще шевелится...

Я даже ахнулъ отъ неожиданности и поторопился убрать скорѣе съ пола ноги. „Что такое за явленіе?“—думаю. „Песужели въ мои туфли забралась полярная мышь?“ Прислушиваюсь: какъ будто дыханіе слабое, и я рѣшительно теряюсь въ догадкахъ.

Осторожно добываю огонь; осторожно, оглядывался, за-свѣчаю свѣчу на ночномъ своемъ столикѣ и свѣшиваюсь, и смотрю съ своей кровати.

Въ моей туфлѣ, оленьей теплой туфлѣ, лежитъ какой-то неизвѣстный маленюкій песь, который залѣзъ туда и уткнулъ въ нее свою неизвѣстную мнѣ мордочку и выставилъ за туфлю одинъ хвостикъ,—толстый, съ бѣлымъ концомъ, хвостикъ, который такъ насмѣшилъ меня своимъ страннымъ положеніемъ, что я расхохотался.

— Ихурбетто!—выругался я на арабскомъ нарѣчій и, заинтересованный окончательно этимъ явленіемъ, спустился тихонокъ съ кровати, склонился на полъ, сѣлъ на разостланную

у кровати мохнатую оленью шкуру и сталъ разсматривать, кто помѣстился въ моей туфлѣ.

Трогаю тихонько рукою—ворчить. Трогаю осторожно за кончикъ хвостика—увертывается. Глажу тихонько по шелковистой, нестрой спинѣ—не шевелится. Пробую выпнуть изъ туфли—дальше залѣзаетъ.

„Однако,—думаю я,—намъ нужно познакомиться“, и быстро поднимаю туфлю, и безъ церемоніи вываливаю содержимое на оленью шкуру.

Смотрю: прекрасный, породистый щенокъ, чистый, подлазъ самой лучшей породы, съ блестящей, шелковистой шерсткою, съ красною толстою мордочкою, раздѣленной бѣлымъ пятномъ, какъ у настоящаго санъ-бернара, съ пушистою, волнистою, кудрявою шевелюрою и съ такими толстыми лапами, которыми обнаруживаютъ впоследствии большую, рослую, сильную собаку.

И даже обрадовался этой неожиданной находкѣ прѣшилъ тутъ же припать въ немъ горячее участіе; и такъ какъ онъ страшно безпокоился, все ползалъ по оленьей шкурѣ и искалъ чего-то толстою своею мордочкою (какъ я догадался, тепла своей матери), я быстро взялъ его и устроилъ на своей постели.

Почувствовавъ тепло, онъ быстро успокоился, а я задумался, глядя на него, какъ онъ умѣло свернулся въ клубокъ и сталъ засыпать у самой моей, еще теплой, подушки.

Потомъ осматриваюсь, откуда онъ взялся.

Оказывается, самымъ естественнымъ образомъ. Онъ родился въ сосѣдней пустой комнатѣ, потомъ, вѣроятно, найдя помѣщеніе это слишкомъ для себя прохладнымъ на голомъ

полу, проникъ, разыскивая тепло, въ мои пріоткрытыя двери и тутъ нашелъ себѣ помѣщеніе въ туфелькѣ, которая только-что оказалась ему впору.

Я удивился только этой ранней догадливости и за эту догадливость рѣшилъ взять его къ себѣ и вскормить во что бы то ни стало.

Что касается названія, то оно такъ и осталось за нимъ, какъ вырвалось у меня невольно.

На моей кровати былъ Яхурбетъ, о существованіи котораго я даже не зналъ за минуту.

II.

Съ появленіемъ на свѣтъ Яхурбета, словно пахнуло на насъ счастье. Погода, страшная погода, сразу остановилась; вмѣсто вѣтровъ на дворѣ была полная тишина, а на южномъ горизонтѣ вспыхнула такая красная заря, что я залюбовался.

Словно море пахнуло весной, хотя до яснаго солнышка было еще очень далеко. Бываетъ такая погода зимой: вдругъ вскрыется послѣ бури бурное море, отдастъ чистому воздуху все свое принесенное теченіями съ южныхъ морей тепло, повалитъ мягкій снѣгъ, пробрызнетъ даже дождикъ, поманитъ человека весной и теплымъ воздухомъ, и снова заморозитъ.

Я зналъ это явленіе и наслаждался, когда вѣсть объ Яхурбетѣ уже разнеслась въ колоніи, и ко мнѣ въ комнату прибѣжали самоѣдскія дѣти.

— Покажи собачку!—кричали они, блестя глазками, веселыя, веселыя. Я провелъ ихъ въ свой кабинетъ, и они привѣтствовали по своему маленькаго Яхурбета.

У одной красивой смуглой дѣвочки въ оленьей расшитой ленточками шубкѣ даже заиграли глазки, но я умѣло устоялъ передъ искушеніемъ и не отдалъ, не подарилъ ей Яхурбета, какъ она объ этомъ ни заговаривала.

Потомъ поздравить меня съ новорожденнымъ явился сосѣдъ по комнатамъ—степенный монахъ Іона.

И серьезный о. миссіонеръ залюбовался красивой собачкой. А днемъ ко мнѣ уже явилась осматривать его вся наша шумная самоѣдская колонія, сразу наполнивши мои комнаты теплыми костюмами и свойственнымъ имъ ароматомъ.

Извѣстно, что самоѣды, какъ всѣ дикари нашего Сѣвера, страшно любятъ всякихъ животныхъ; но собакъ они любятъ особенно, почему и немудрено, что появленіе на свѣтъ Яхурбета вызвало такое вниманіе.

Всѣ смѣялись, шутили, разсматривали его, пертѣли и ахали; всѣ разглядывали его, какъ, не знаю, какую драгоценность. А онъ спокойно давалъ себя ощупывать и прижимать къ груди и цѣловать, обнаруживая въ своей толстой мордочкѣ особенную, ему прирожденную, собачью важность.

И всѣ нашли, что это будетъ важный, бѣдовой, пожалуй, даже передовой песъ.

Извѣстно, что самоѣды болѣе всего цѣнятъ собакъ не по злобности, не по надкости на разныхъ крупныхъ звѣрей, а по силѣ, которой они дорожатъ, передвигаясь тамъ на собакахъ.

Однако, знатоки, настоящіе охотники, пришедшіе ко мнѣ вечеромъ, безъ народа высказали мнѣ нѣсколько иное мнѣніе относительно маленькаго пса, предварительно внимательно его осмотрѣвши.

Старикъ Семенъ Учей, въ своей вѣчно замазанной кровью

зѣбрей и блестящей отъ этого малицѣ, осмотрѣвъ внимательно пса, серьезно сказалъ, что это будетъ, судя по ушамъ, „послушменная собака“. Мой другъ и проводникъ въ охотничьихъ экскурсіяхъ, неизмѣнный товарищъ по охотѣ—Костя Вилка, осматривая его пасть съ темными и полосатыми крапинками внутри, замѣтилъ, что онъ будетъ злобною собакой. Андрюшка Табарей, толстый самоѣдъ, съ вѣчно заплывшею физиономіей, благодаря страшному здоровью и обжорству, пашель какую-то особую примѣту на груди, по которой опредѣлялъ его будущую силу. А старикъ Максимъ Пырерка, самый опытный охотникъ на бѣлыхъ медвѣдей, который потерялъ уже и счетъ убитымъ имъ медвѣдямъ, отыскалъ ко всеобщему удивленію и удовольствію у Яхурбета какой-то лишній палецъ, по которому предсказалъ ему блестящую на охотѣ по зѣбрю будущность и такія охотничьи способности, которыя рѣдко выпадаютъ даже въ одной собакѣ. И онъ даже привелъ, никѣмъ неопровергнутый фактъ, примѣръ, на своемъ давно пропавшемъ псѣ, который отличался такою злобностью, что одинъ останавливалъ медвѣдей.

И даже „Кривая бабушка“, какъ мы ее прозвали за потерянный глазъ, жена этого старика-самоѣда, особенно отличающаяся нѣжностью къ собакамъ, и та высказала, что это будетъ прекрасный, красивый, крупный песъ, при чемъ не преминула засунуть его за свою просторную пазуху, чтобы погрѣть его своимъ старческимъ голымъ тѣломъ.

И чистосердечно повѣрилъ псѣмъ этимъ предсказаніямъ добрыхъ людей, и еще больше проникся нѣжностью къ этому маленькому животному, которое насъ всѣхъ такъ заняло и оживило.

III.

И вотъ, несъ сталъ у меня жить, сдѣлавшись предметомъ нужныхъ попеченій не только со стороны меня, но и всѣхъ съ завистью смотрѣвшихъ на него самоѣдовъ. Ползалъ по полу моей компаты и повизгивалъ солиднымъ голосомъ, когда нужно линци; нюхалъ и обнюхивалъ все съ собачьей своей серьезностью; грызъ все и кусалъ, словно знакомясь пока на ощупь своими зубами; катался и разваливался, когда было особенно тепло и уютно, и спалъ цѣлыми днями и ночами то на диванѣ, то на моей кровати, постоянно почему-то вздрагивалъ и шепеля своими толстыми лапами, что насъ особенно порою занимало.

И съ жизнью, ростомъ, развитіемъ маленькой собаки быстро шли дни, и какъ-то не такъ жутки были одинокія, длинныя, бурныя ночи.

Разъ утромъ, не помню на который день послѣ рожденія Мхурбета, я замѣтилъ у него глазки. Черные умные, полузакрытые вѣками глазки, которыми онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ то на меня, то на горящую яркую свѣчку.

Казалось, что-то говорили даже эти глаза, о чемъ-то серьезно, свѣтло, будущемъ, о какой-то радости бытія и вмѣстѣ съ этимъ горл.

Приходили и дѣти самоѣдовъ смотрѣть его глаза; дѣвочки были отъ нихъ даже въ восторгѣ. Приходили и женщины смотрѣть его глаза, и имъ они тоже очень понравились. Приходили смотрѣть на глаза Мхурбета и охотники-самоѣды, и имъ они показались умными, серьезными, обнаруживающими

охотничью умную собаку. Но всѣхъ трогательнѣе былъ отзывъ „Кривой бабушки“, которая была въ восторгѣ. Она просто расцѣловала его, увидавъ, какъ Мхурбетъ взглянулъ на нее ласковымъ, свѣтлымъ, собачьимъ преданнымъ взглядомъ, и лизнулъ еще ее теплымъ языкомъ прямо въ физиономію.

И уже не говорю о томъ, какими ласковыми, нѣжными именами называли его, любясь при этомъ случаѣ.

Общее мнѣніе, высказанное этими любителями и цѣнителями собачьяго рода, было такое, что это будетъ умная собака.

Но пока умъ этого маленькаго, любопытнаго, красиваго, нестраго пса обнаруживался страшнымъ образомъ.

Онъ грызъ мою, пеньмовѣрно теплую, оленью малицу, въ которой я обычно выходилъ прогуливаться въ тихую погоду; почему-то особенно преслѣдовалъ тоже олепій коврикъ у кровати, грызя его со всѣхъ сторонъ и самымъ жестокимъ образомъ. Моимъ теплымъ туфлямъ онъ не давалъ рѣшительно покоя и скоро превратилъ ихъ въ самый растрепанный, некрасивый видъ, такъ что я стѣснялся ихъ носить даже полярной ночью. Стулья мои, ножки столовъ, табуретокъ тоже подверглись его нападенію, а книги, учебныя, дорогія книги, упавшія какимъ-то образомъ на полъ съ этажерочки, подверглись такому разгрому, что я только покачивалъ головою въ раздумьи, какъ буду жить дальше.

А собака моя такъ весело поглядывала на меня своими умными глазами, такъ ласкалась ко мнѣ, царапала меня своими толстыми лапами, бросаясь на грудь и падая тутъ же

отъ неустойчивости, и потомъ разваливался передо мною на полу, что какъ бы умоляла меня еще позволить ей повозиться съ листами моей книги.

* *
*

Но больше всего она надоѣдала не мнѣ, а моему песцу, полярной бѣлой, дикой, но прирученной теперь, лисичкѣ.

Эту лисичку я развѣ нашелъ застигнутою злыми самоѣдскими собаками подѣ обрывомъ каменнаго берега. Новидному, она была молода и поэтому глупа. Она подбѣжала близко къ дому; злые псы цѣлою оравой замѣтили ее и загнавши подѣ скалу и, только благодаря одной случайности, что я находился тутъ около, прогуливаясь подѣ скалою, она не раздѣлалась съ ними своей шкуркой.

Я безѣ труда отогналъ тростью собакъ; потомъ, не безѣ затрудненій, досталъ ее своею мохнатою рукавицею.

Она попробовала было укусить за нее меня, но видя, что это меня не испугало, спокойно сдалась моимъ усиліямъ, и я принесъ ее за шиворотъ въ комнаты и устроилъ въ сосѣдней пустой комнатѣ. А потомъ она такъ привыкла ко мнѣ, будучи отъ природы не пугливою и не дикою, что спокойно брала мясо изъ моихъ рукъ, лакомилась гагачьими яйцами, которыми мы употребляли на этомъ полярномъ островѣ, не имѣя курицы, и спала у меня въ комнатѣ, смотрѣя потомъ, гдѣ ей захочется: на мягкомъ диванѣ или кровати. Мы были даже друзья съ этой лисичкою и, порой, играли съ ней на полу, коротая время.

Сначала я думалъ, что мой Яхурбетъ будетъ намъ добрымъ товарищемъ; но скоро убѣдился, что горько въ этомъ ошибся

Въ немъ слишкомъ рано стали развиваться охотничьи, промысловыя способности, и онъ сталъ дѣлать стойку на этого мирнаго, безобиднаго звѣрька, бросаться на него съ лаемъ, когда онъ не хотѣлъ поддаться объятіямъ его лапокъ, ловить его даже за хвостъ, когда онъ быстро перебѣгалъ комнату, и устраивать настоящую облаву на него, когда тотъ забивался за печку.

А когда Яхурбетъ какъ-то взялъ ее за шею мертвой хваткой, и она за это пахальство отвѣтила ему такимъ укусомъ острыхъ бѣлыхъ зубовъ, что онъ поднялъ вой на всѣ Малыя Кармакулы, они стали такими непріятелями, что я задумался, что дальше у нихъ будетъ.

Но, къ счастью моему, у нихъ не было больше подобной ссоры: песъ сразу понялъ всю невыгодность вступать съ лисичкой въ ссору и обратилъ вниманіе на полярныхъ мышей, которыя мирно проживали въ сосѣдней комнатѣ, тоже припесенныя мной разъ изъ экскурсіи, когда попались цѣлымъ гнѣздомъ на дорогѣ.

* *
*

Нужно сказать, что онѣ не были похожи на нашихъ домовыхъ мышекъ: онѣ были мохнатыя и бѣлыя, какъ есть бѣлые медвѣди, а ростомъ были въ два раза больше нашихъ мышей. Онѣ спокойно, не кусаясь, давались въ руки и даже не имѣли того тонкаго хвостика, который намъ такъ знакомъ по кухнямъ и чуланамъ.

Словомъ, это были самыя мирныя животныя, которыя мирно перебѣгали по комнатѣ, ѣли насыщающую ихъ по угламъ крупу и свѣжій снѣгъ, грызлись по вочамъ за печкою, отбивали